

УДК 82.091

Г. В. Ліпін

Г. В. Липин

G. V. Lipin

*Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University*

**ВІДКРИТТЯ ЯПОНІЇ В АМЕРИКАНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ:
ЛАФКАДИО ХЕРН – КУЛЬТУРТРЕГЕР ТА ІНТЕРПРЕТАТОР
ДВОХ СВІТІВ**

**ОТКРЫТИЕ ЯПОНИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ЛАФКАДИО ХЁРН – КУЛЬТУРТРЕГЕР И ИНТЕРПРЕТАТОР
ДВУХ МИРОВ**

**THE DISCOVERY OF JAPAN IN AMERICAN LITERATURE:
LAFCADIO HEARN AS CULTURTREGER AND INTERPRETER
OF TWO DISPARATE WORLDS**

Розглянуто початковий етап освоєння японської культури в американській літературі початку ХХ ст., вивчено маловідому у нас діяльність японського літератора і перекладача Лафкадіо Херна – інтерпретатора японської та англomовної культури на Сході й Заході, що став сполучною ланкою між культурами двох країн. В історії літератури непоміченою залишилася двоспрямованість культуртрегерської активності Херна: він не лише відкривав культуру Японії Заходові, але, будучи викладачем англійської літератури в Токійському імператорському університеті і в університеті Васеда, знайомив Японію із західною культурою. Його культурологічна, літературна, перекладацька діяльність, і перш за все його інтерпретація особливостей японського художнього мислення, збагачувала те підґрунтя, на якому зароджувалася модерністська поезія. Це відбувалося за рахунок кумулятивного ефекту численних імплантацій японської поетики й естетики, розвитку на цьому літературному підґрунті нових поетичних форм. Вивчення ролі Херна залишається однією з малодосліджених і актуальних проблем історії модернізму на Заході. Аналіз робіт Херна про культуру і літературу Японії дає підстави сумніватися щодо думки авторитетного компаративіста-літературознавця Е. Мінера, коли він відмовляє Херну в ролі впливового культуртрегера, одного з небагатьох, хто представляв один з витоків «орієнтального» модернізму на Заході. Для англо-американських поетів-модерністів японські відкриття Лафкадіо Херна не пройшли безслідно.

Ключові слова: японська поезія, модернізм, імажизм, Лафкадіо Херн, транснаціональний феномен, інтерпретація, *Kulturträger*.

Рассмотрен начальный этап освоения японской культуры в американской литературе начала ХХ ст., изучена малоизвестная у нас деятельность японского литератора и переводчика Лафкадио Хёрна – интерпретатора японской и англоязычной культуры на Востоке и Западе, ставшего связующим звеном между культурами двух стран. В истории литературы незамеченной осталась двунаправленность культуртрегерской активности Хёрна: он не только открывал культуру Японии Западу, но, являясь преподавателем английской литературы в Токийском императорском университете и в университете Васеда, знакомил Японию с западной культурой. Его культурологическая, литературная, переводческая деятельность, и прежде всего

его интерпретация особенностей японского художественного мышления, обогащала почву, на которой зарождалась модернистская поэзия. Это происходило за счет кумулятивного эффекта многочисленных вживлений японской поэтики и эстетики, развития на этой литературной почве новых поэтических форм. Изучение роли Хёрна – остается одной из малоисследованных и актуальных проблем истории модернизма на Западе. Анализ работ Хёрна о культуре и литературе Японии дает основание подвергнуть сомнению мнение авторитетного компаративиста-литературоведа Э. Минера, который отказывает Хёрну в роли влиятельного культуртрегера, одного из немногих, кто представлял один из истоков «ориентального» модернизма на Западе. Для англо-американских поэтов-модернистов японские открытия Лафкадио Хёрна не прошли бесследно.

Ключевые слова: японская поэзия, модернизм, имажизм, Лафкадио Хёрн, транснациональный феномен, интерпретация, *Kulturträger*.

The paper focuses on the first stage in adaptation of the Japanese cultural tradition in American literature at the end of the 19th – the beginning of the 20th Century, represented by Lafcadio Hearn – a prolific American writer, translator, oriental culturologist and journalist, who is undervalued in contemporary criticism. He was the first interpreter of Japanese and Anglophone culture for the East and for the West, representing the most important link between two disparate cultures. The paper outlines his main cultural, aesthetic and artistic discoveries of Japan with reference to how his nonfictional books and translations of Japanese prose and poetry influenced the aesthetic climate of incipient literary modernism. The history of his critical reception is a combination of upsets and admirations provoked by his adoration of Japan – the country viewed as militaristic in the West. In his numerous writings he gives a panoramic interpretation of Japan and its culture, penetrating deeply into the totality of this living spirit of Japan. The analysis of Hearn's achievements in interpreting Japanese culture and in understanding the Japanese literature, provided in the paper, challenges the authoritative view of comparative literary scholar Earl Miner who refuses Hearn the role of influential figure in the history of aesthetic climate of incipient literary modernism in the West. The main argument of the paper is that the English-language poets have much to learn from the Japanese discoveries made by Lafcadio Hearn.

Keywords: Japanese poetry, modernism, imagism, Lafcadio Hearn, transnational phenomenon, interpretation, *Kulturträger*.

Имя американца Лавкадио Хёрна (Lafcadio Hearn, 1850–1904) – писателя, журналиста, переводчика, прожившего в Японии 14 лет и принявшего японское гражданство и имя Коизуми Якумо, одного из родоначальников процесса освоения японской культуры в Америке, почти неизвестно в нашей стране и долгое время оставалось незаслуженно забытым на родине писателя. Пожалуй, в истории «открытия» Японии ни одна творческая личность не привлекала такого пристального внимания, не вызывала столь противоречивых оценок, как Хёрн. Его упрекали в романтизации старой Японии, но с не меньшей предвзятостью обвиняли и в нелюбви к ней. Видный американский японолог, друживший с ним, Бейзил Чемберлен, в последнем издании своей книги «Things Japanese» вычеркнул фразу, превозносящую преданность Хёрна Японии.

Написанное Хёрном в Японии о японской культуре и литературе заметно выделяется среди немногочисленных работ американских и европейских энтузиастов-ориенталистов конца XIX – начала XX в. (Э. Феноллоза, Б. Чемберлен, В. Эстон, П. Лоуэлл) пронзительной тонкостью понимания Иного. Не имея особого поэтического дара, он обладал удивительной интуицией и мастерством отменного стилиста («scientific accuracy», «brilliance of style» [5, p. 65]). В письме к

близкому другу и издателю Элизабет Бисленд (1890) он пишет о своем открытии – духовной красоте Японии и японцев: «This is a domesticated nature, which loves man... What I love in Japan and the Japanese, the poor simple humanity of the country. And I believe that their art is as far in advance of our art... I only wish I could be incarnated in some little Japanese baby, so that I could see and feel the world as beautifully as a Japanese brain does» [4, p. 3–4]. Его прижизненная репутация писателя и переводчика («man of genius» [4, p. 1]), пишущего для западного читателя из сердца Японии, связана с популярностью его одиннадцати книг о японской культуре, опубликованных между 1894–1904 гг. Тематика и проблематика его исследований, заявленная в названиях: «Первые впечатления о Неизвестной Японии», 1894; «С Востока», 1895; «Экзотика и ретроспекции», 1898; «В призрачной Японии», 1899; и посмертных – «Япония, Попытка интерпретации», 1904; «Японская лирика», 1915 (в собственных переводах верлибром), – значительно сложнее и многоаспектнее, чем принято считать. В Японии Лафкадио Хёрна почитают, в школьные программы включены его рассказы *квайдан*. Иная репутация на Западе. В исследованиях западных ученых акцент на биографии всегда отчетливее, чем интерес к его творческой индивидуальности. Так, Элизабет Стивенсон, отмечая популярность Хёрна при жизни, стремится деканонизировать его облик, представляя его как «an unimportant person», добавляя, что его репутация знатока японской культуры была преувеличена: «Hearn was widely read during his lifetime, and praised, often for wrong reasons» [20, p. 5]. И вместо провозглашенного объективного «scrutiny», «objective appraisal» в ее работе находим лишь декларацию обстоятельности («substantiality») предпринятого исследования. «Непатриотичное» с точки зрения США восхищение Хёрна милитаризированной Японией, а также его увлеченность синтоизмом, в котором он видел квинтэссенцию японской культуры (а не «a thing too empty and jejune to influence the hearts of men», как считал Б. Чемберлен [5, p. 422]), не могли не повлиять на сдержанное в течение долгого времени отношение к нему официальной критики, хотя внимание к нему как к романтику-фольклористу не ослабевает и сейчас.

Но лишь в 1990-х гг. начинается серьезное изучение его творчества, толчком к которому стала вызвавшая живой интерес экранизация рассказов из его книги «Квайдан». В центре коллективной монографии «Пере-открытие Лавкадио Хёрна» под редакцией Сукехиро Хиракава (Sukehiro Hirakawa) [18] заметно стремление уравновесить западную сдержанность оценок его деятельности доказательствами глубокого почитания его работ в Японии.

Некоторые исследователи Хёрна, ограничиваясь поверхностными описаниями, сводят его роль «открывателя» Японии к романтизированным образам этой страны. Дэниэл Стемпл считает его малозначительным энтузиастом («a minor figure in American literary history, a transplanted exotic, who flourished in the hothouse atmosphere of late nineteenth century aesthetic impressionism» [19, p. 1]). Значительно справедливее представляется мнение некоторых исследователей [15], которые считают, что культуртрегерская деятельность Хёрна стала решающим фактором возникшего бурного интереса к этой стране на Западе.

К сожалению, незамеченной осталась двунаправленность культуртрегерской активности Хёрна: он не только открывал культуру Японии Западу, но, являясь преподавателем английской литературы в Токийском императорском университете и в университете Васеда, знакомил Японию с западной культурой. Некоторые лекции Л. Хёрна удалось восстановить издателю Дж. Эрскину по конспектам

его учеников. Особый интерес представляют его лекции по английской поэзии, выстроенные по принципу сопоставления с великими образцами японской литературы и с учетом особенностей японского восприятия. Так, представляя поэзию великих викторианцев, он не только раскрывал свое видение английской поэтической традиции («Tennyson is Keats perfected and enriched», «Coleridge reblossoms in Rossetti», «Sir Walter Scott is reborn in the poetry of William Morris»), но и [7], но и постоянно подчеркивал сродство («affinities») английской поэзии с принципами ориентального художественного мышления. Так, анализируя стихотворение ирландского поэта Уильяма Эллингема «Four ducks on a pond», он отмечает: «I should call it something very much resembling in quality the spirit of Japanese poetry... So it is very famous, and really wonderful – although there is no art in it at all. It is simple as a song» [4, p. 476]. Эти постоянные сближения и объяснения английской литературы через обнаруженные им аналогии с японской культурой – главный компаративистский принцип его трудов «Интерпретация литературы» (1915), «Appreciations of Poetry» (1916), «Essays in European and Oriental Literature» (1923), представляющих единство с его работами культурантропологической направленности. Рассуждая о «длине» поэтического жанра на Востоке и Западе, он сближает поэта-метафизика XVII в. Роберта Херрика с японскими лириками: «I have often thought that Herrick more resembles the Japanese poets than almost any other English writer, ... and even when the thoughts are not at all the same, the way in which they are uttered may remind you of Japanese verses» [10, p. 127]. Находясь в эпицентре развития модернизма на оси ориентализм – имажизм, он чувствует в японской поэзии глубокий срез национальной культуры, а в разном – родство самой поэтической мысли, открывая на Западе триумфальный путь освоения японской поэтики.

Историки имажистского направления в литературе Запада, отмечая влияние японской поэзии и искусства на эстетические взгляды его основателей, почти не вспоминают о литературно-просветительской роли Хёрна [6]. Имажисты, как известно, создавали новую «объектную», «имперсональную» поэзию (Т. Элиот), ориентируясь в том числе и на традицию классической китайской и японской поэзии. И если Эзра Паунд с опорой на манускрипты и переводы Э. Феноллозы и его консультанта – японского профессора, осваивал китайскую поэзию, считая, что японская выглядит простой и понятной [3], то знакомить Запад с японской литературой одним из первых начал Лафкадио Хёрн, причем почти на десятилетие раньше. Приходится сожалеть, что историки литературы не вспоминают не только рассыпанных по книгам Хёрна еще в конце XIX в. наблюдений о природе поэтического в японской культуре, но и его переводов японской поэзии – «Japanese Lyrics», – которую он собирал, переводил и объяснял в своих статьях и книгах, опубликованных задолго до «haiku-like poems» Эзры Паунда.

В лекциях, прочитанных в Токийском университете (1896–1903), он сформулировал на основе изучения восточной литературы представление о том, что такое «нагая поэзия»: «I want to make a little discourse about what we might call Naked Poetry... that is, poetry without any dress, without any ornament, the very essence or body of poetry unveiled by artifice of any kind» [4]. В основе этой концепции осмысление Хёрном главных особенностей японской поэзии. Стилистика сдержанности и строгости для него лишь верхушка айсберга, скрытого в недрах японской культуры и ментальности.

Вопрос о том, знаком ли был Паунд с работами Хёрна, остается до сих пор не проясненным, но известно, что именно он рекомендовал Джойсу прочитать

биографию Хёрна, написанную Гулдом (Gould) – другом и лечащим офтальмологом. Тем более странно, что в фундаментальном труде Дж. Б. Хармера по истории имажизма [6] исследователь не упоминает имени Хёрна. Этот факт можно объяснить репутацией, которую создал Хёрну влиятельный в области сравнительного литературоведения (Запад – Восток) Э. Минер, отнесший его работы к области романтической журналистики, утверждая, что вряд ли автор периодики способен был верно понять и передать японскую поэзию [17 р. 62]. Исследователь недооценивает профессионализм Хёрна-переводчика, имеющего опыт и других переводов: прозы Теофила Готье, Мопассана, Флобера, Анатоля Франса. Таким образом, Э. Минер исключает влияние Хёрна как первопроходца-интерпретатора культуры Японии и переводчика японской поэзии на формирование нового поэтического языка англо-американской поэзии начала XX в. – подход, требующий пересмотра в связи с открывшимися литературными свидетельствами.

В своих переводах Хёрн использовал и буквальную точность, и целостные переосмысления, и трансформацию метрики. По преимуществу это был семантический перевод. Так, в прозаическом переводе японской народной песни *dodoit-u* – жанра, обычно относимого к «vulgar poetry» [14, р. 76], Хёрн стремится передать свойственные этой культуре силу и правду («power and truth»): «True poetry has nothing to do with mere word-values. It is fancy, it is emotion, it is passions, or it is thought» [14, р. 75]. Именно поэтому он считает такую поэзию «valuable» [14, р. 76]. Свою задачу переводчика он видел в том, чтобы не нарушить поэтический принцип «ittakiri» – сохранить в переводе «the thrilling of something unsaid» [9].

Перевод, который сохраняет душу оригинала, он считал **тестом на поэтическое совершенство** переводимого текста: «The great test as to whether verse contains real poetry, emotional poetry, is this: Can it be translated into the prose of another language and still make it appear emotional? If it can, then the true poetry is there; if it cannot, then it is not true poetry, but only verse» [4]. Разделение лирики на поэзию и стихи здесь наполнено особым смыслом, который в другой связи с художественным мышлением Востока Т. П. Григорьева определяет как «искусство-неискусство» [2]. Хёрн в своих переводах еще до «восточных прозрений» Паунда использовал принцип совмещения объясняющих и описательных стиховых рядов, подчеркивая огромную сложность создания этого эффекта недосказанности, осознавая, что на Востоке поэт лишь указывает на это «несказанное», произнесенное. В хокку из цикла о мотыльках он стремится передать краткое мгновение переживания слитых в единое образов целостности бытия: «Like a woman slipping off her haori / – that is the appearance of a butterfly». (Nugi-kakuru/ Haori sugata no/ Kocho: kana! [11, р. 3]). А. Генис верно отметил эту особенность восточной поэзии: «Предельная краткость, максимальная конденсация текста здесь не стилистический, а конструктивный прием. Это не лаконизм западного афоризма, сводящий к немногим словам то, что можно было бы сказать многими. Это самодостаточность японских танка и хокку, которые не представляют мир, а составляют его заново» [1, р. 226–236]. Хёрн – знаток японской культуры – одним из первых выявил это главное свойство японской поэзии: «**indirect double-suggestiveness**»: «Japanese poetry usually ignores the inferior qualities of sensation, while making the subtlest of appeals to those superior qualities which we call æsthetic» [8]. Имажистская поэзия на Западе, пребывающая в поисках нового языка искусства, ориентированного на сжатость поэтического пространства японского хайку, разрабатывала технику соположения образов, поэтику недосказанности. Переводы Хёрном японской поэзии, со-

бранные в «Japanese Lyrics», были опубликованы в 1915 г. после его смерти, хотя многочисленные переводы японской поэзии разбросаны на страницах многих его ранних книг, написанных еще в конце XIX ст. На правах равных по новизне его переводы были включены в Новую Поэтическую Серию англоязычной литературы в издательстве Хотена Мифлина. По мнению составителя, это оправданно: японская поэзия здесь выглядит «strangely akin to the imagists» [11, p. 2].

Насколько можно судить по имеющимся материалам, Лафкадио Хёрн был одним из первых, кто еще в конце XIX в. перевел белым стихом средневековую японскую поэзию, открыв ее непривычные для англоязычного читателя невербализованные глубинные связи между разнородными явлениями. Лишь позже к переводам японской поэзии обратятся Садакити Хартман (Sadakichi Hartmann), больше известный как критик-модернист, Ногутти и многие другие.

Рискнем предположить, что то, что Р. Минер считает великим прозрением Паунда в области поэтики хайку («one of the insights of Pound's genius» [17, p. 15]) – идет и от открытий Японии и японской культуры, сделанных Хёрном, прежде всего его размышлений об удивительных особенностях японского мировидения. В своей известной книге «Кокоро» он писал: «kokoro signifies also mind, in the emotional sense: spirit; courage; resolve; sentiment; affection; and inner meaning, – just as we say in English, ‘the heart of things» [12]. Именно так, вглядываясь в сердце Японии, он постигал культуру и литературу этой родной ему земли.

В истории освоения культуры и литературы Японии на Западе роль Лафкадио Хёрна, его интерпретации разных аспектов японской культуры и его многочисленные переводы японской литературы остаются, к сожалению, малоизученными и недооценёнными в науке. Его культурологическая, литературная, переводческая деятельность, и прежде всего его интерпретация особенностей японского художественного мышления, обогащала почву, на которой зарождалась модернистская поэзия. Это происходило за счет кумулятивного эффекта многочисленных вживлений японской поэтики и эстетики, развития на этой литературной почве новых поэтических форм. Изучение роли Хёрна – остается одной из малоисследованных и актуальных проблем истории модернизма на Западе. Исследователь его жизни и творчества Артур Канст убежден, что Лафкадио Хёрн дал американцам ощущение чего-то нового и иного; о немногих писателях-ориенталистах это можно сказать [16].

Библиографические ссылки

1. **Генис А. А.** Без языка. Эзра Паунд / 4. **Bisland Elizabeth.** The Life and Letters of Lafcadio Hearn / Elizabeth Basland. – In 2 vols. – Vol. 2. – Boston and New York : The Riverside Press, 1906. – 516 p.
2. **Григорьева Т. П.** Движение красоты: Размышления о японской культуре / 5. **Chamberlain Basil.** Things Japanese / Basil Chamberlain. – London : John Murray, 1905. – 552 p.
3. **Липин Г. В.** Жанр японского хайку и теория образа Эзры Паунда в аспекте компаративной поэтики / Г. В. Липин // Литература в контексте культуры. – К. : Вид. дім Дмитра Бугаго, 2013. – С. 148–157.
6. **Harmer J. B.** Victory in Limbo: A History of Imagism, 1908–1917 / J. B. Harmer. – New York : St. Martin's, 1975.
7. **Hearn Lafcadio.** Appreciations of poetry / Lafcadio Hearn [Selected and ed. with an introduction by John Erskine]. – London : W. Heinemann, 1916. – 408 p.

8. **Hearn Lafcadio.** Exotics and Retrospectives. Boston : Little, Brown, and Co, 1971 (1898). – 299 p.
9. **Hearn Lafcadio.** In Ghostly Japan / Lafcadio Hearn. – Boston : Little, Brown and Co, 1899. – 257 p.
10. **Hearn Lafcadio.** Interpretations of Literature / Lafcadio Hearn [Ed. by John Erskine]. – Vol. 2. – New York : Lill, Mead and Company, 1916. – 392 p.
11. **Hearn Lafcadio.** Japanese Lyrics / Lafcadio Hearn. – Boston, New York : Houghton Mifflin, 1915 [1894]. – 79 p.
12. **Hearn Lafcadio.** Kokoro: Hints and Echoes of Japanese Inner / Lafcadio Hearn. – Boston, New York : Houghton Mifflin and Company, 1927. – 388 p.
13. **Hearn Lafcadio.** Out of the East / Lafcadio Hearn. – Boston, New York : Riverside Press, 1895. – 337 p.
14. **Hearn Lafcadio.** The Life and Letters of Lafcadio Hearn Including the Japanese Letters. – Vol. 3. – Cambridge : The Riverside, 1922. – 322 p.
15. **Japonisme, Orientalism, Modernism.** A Bibliography of Japan in English – language Verse of the Early 20th Century. [Електронний ресурс]. – Режим доступу <http://themargins.net/bibliography.html>
16. **Kunst Arthur.** Lafcadio Hearn / Arthur Kunst. – New York : Twayne Publishers, 1969. – 146 p.
17. **Miner Earl.** The Japan Tradition in British and American Literature / Earl Miner. – Princeton : Princeton UP, 1958. – 312 p.
18. **Rediscovering Lafcadio Hearn** [Ed. by Sukehiro Hiragawa]. – Folkestone, Kent : Global Orient, 1997. – 284 p.
19. **Stemple Daniel.** Lafcadio Hearn: Interpreter of Japan / Daniel Stemple // American Literature. – Vol. 20. – No 1. – 1948. – P. 1–19.
20. **Stevenson Elizabeth.** Lafcadio Hearn / Elizabeth Stevenson. – N. Y. : The Macmillan Company, 1961. – 362 p.

Надійшла до редколегії 08.11.2014 р.

УДК 821.161.2.09

**О. В. Міненко
А. В. Миненко
O. V. Minenko**

*Черкаський інститут пожежної безпеки імені Героїв Чорнобиля
Черкасский институт пожарной безопасности имени Героев Чернобыля
Cherkassy Institute of Fire Safety named after Chornobyl Heroes*

**ПРОБЛЕМИ РЕЦЕПЦІЇ ТВОРЧОСТІ В. ШЕКСПІРА
В НАУКОВО-ТЕОРЕТИЧНІЙ ДУМЦІ: КОМПАРАТИВНИЙ ВИМІР
ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА У. ШЕКСПИРА
В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ:
КОМПАРАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
THE PROBLEMS OF RECEPTION OF SHAKESPEARE'S CREATIVITY
IN RESEARCH AND THEORETICAL THOUGHT:
A COMPARATIVE DIMENSION**

Показано, що проблеми рецепції письменника в іншій національній літературі відіграють значну роль у сучасній літературній критиці. Творчість Шекспіра заклала провідні культурні «коди» європейської художньої свідомості.

Досліджено рецепції творчості англійського письменника Вільяма Шекспіра у різних країнах з погляду літературознавчої компаративістики. Висвітлено причини, що зумовили інтерес до Шекспіра в літературно-критичній думці XIX–XX ст. Було